Военное строительство

Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства

© 2017

А.Ф. Клименко, П.Б. Каменнов

Обозначены основные направления военной политики КНР, включая модернизацию НОАК, новую военную реформу, роль армии в обеспечении внутривосточной стабильности, участие КНР в международных форумах безопасности и сотрудничества, а также в миротворческих операциях под эгидой ООН. Анализируется роль военной политики в увеличении комплексной мощи государства.

Ключевые слова: военная политика, стратегия «активной обороны в новых условиях», программа модернизации, новая военная реформа, комплексная мощь государства, невоенные операции.

В конце XX — начале XXI века военная политика Китая направляется на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века (к столетию образования КНР) статуса сильной, модернизированной, объединенной (имеется в виду решение тайваньской проблемы) державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира. Реализацию национальной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной государственной мощи (КГМ), которая рассматривается в качестве общей способности государства путем мобилизации всех ресурсов — как национальных, так и мировых — осуществлять данную стратегию. Согласно взглядам китайских аналитиков, в наиболее общем виде КГМ включает следующие четыре подсистемы: 1) материальный фактор, или «твердый компонент» (экономика, наука и технологии, природные ресурсы, национальная оборона); 2) духовный фактор, или «мягкий компонент» (внутренняя и внешняя политика, культура и образование); 3) фактор координации усилий (организация управления страной); 4) фактор окружающей среды (отношения с соседними странами; экология)¹.

Отметим, что беспрецедентные достижения Китая в экономике, науке и технике, в освоении космоса и других областях за последние 30 лет были осуществлены в услови-

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, зам. руководителя Центра изучения стратегических проблем США и ШОС ИДВ РАН. E-mail: klimenko@ifes-ras.ru.

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: kamennov@ifes-ras.ru.

ях мира, внутривосточной стабильности и развития отношений сотрудничества с внешним миром. Дальнейшее движение по данному пути в Китае связывают с необходимостью обеспечения благоприятных внутренних и внешних условий развития страны на новом историческом этапе. При этом военному фактору по существу отводится роль силового аргумента в реализации политики мира и сотрудничества.

Согласно китайским взглядам *международная обстановка в сфере военной безопасности* характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что в отношениях между странами доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности.

На востоке Евразии налицо две противоположные тенденции. С одной стороны — укрепление факторов стабильности. Экономика стран региона продолжает развиваться высокими темпами, а в отношениях между ними складывается атмосфера открытого и взаимовыгодного сотрудничества, основанного на равенстве и использовании многообразных форм взаимодействия. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) вступила в новый этап своего развития и вносит существенный вклад в установление новой модели межгосударственных отношений. Организация АСЕАН достигла прогресса как в строительстве и консолидации своих структур, так и в переговорах относительно создания зон свободной торговли с другими странами. В целом сотрудничество стран Восточной Азии, осуществляемое через механизм АСЕАН плюс КНР, Япония и Южная Корея (10+3), расширяется и играет главную роль в обеспечении здесь мира и стабильности.

С другой стороны, нарастают факторы, осложняющие обстановку в регионе. Беспокойство Пекина вызывают такие направления военной политики Вашингтона, как «возвращение США в АТР», усиление военных связей с Японией и другими союзниками США в регионе; поддержание отношений с государствами-партнерами США, включая страны Юго-Восточной Азии и Индию; формирование многослойной системы отношений с союзниками США, способствующей более активному использованию в американских интересах Восточно-Азиатского саммита и других региональных институтов.

В апреле 2015 г. США заявили о намерении поставить Японии новейшее вооружение и продолжить перегруппировку своих сил, которые находятся на территории островного государства. В заявлении по итогам переговоров министров обороны США и Японии «...стороны подтвердили стратегическую важность поставок наиболее современных и продвинутых американских систем вооружений Японии, что повышает сдерживающие возможности союза двух стран и помогает безопасности Японии и Азиатско-Тихоокеанского региона». При этом Вашингтон подтвердил гарантии по обеспечению безопасности Японии, «включая полный спектр военных возможностей США, в том числе ядерное и обычное оружие»².

Наряду с этим США намерены увеличить свое военное присутствие на Филиппинах. Соответствующее соглашение между США и Филиппинами сроком на 10 лет подписано в апреле 2014 г.; согласно документу на Филиппинах будут размещены дополнительные контингенты вооруженных сил США «на принципах временного и ротационного пребывания». Кроме того, США предоставлено право размещать свои истребители и военные корабли на базах Филиппин³.

Стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в АТР. В связи с этим заключение в 2014 г. двух соглашений между КНР и США в области военного сотрудничества⁴, а также Соглашения о диалоге в военной сфере 2015 г.⁵, по нашей оценке, не может рассматриваться как шаг в направлении урегулирования коренных противоречий между двумя странами в военно-стратегическом плане. Упомянутые соглашения устанавливают процедуру взаимного уведомления в случае проведения военных учений и других крупных перемещений войск и техники, а также правила поведения сторон в случае на-

хождения их военных судов или самолетов в непосредственной близости друг от друга. Беспокойство Китая вызывает ситуация на Корейском полуострове, прежде всего действия Пхеньяна, направленные на реализацию ядерной и ракетной программ КНДР в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН. 6 января 2016 г. КНДР сообщила об успешном проведении ядерного испытания (четвертого по счету с 2006 г.), а 7 февраля 2016 г. заявила о запуске спутника с помощью ракеты дальнего действия. Пекин поддержал новую резолюцию Совета Безопасности ООН, направленную на блокирование ядерной и ракетной программ КНДР как угрожающих режиму нераспространения ядерного оружия, выразив намерение добиваться возобновления диалога и переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова как единственной возможности ее разрешения⁶.

Большое значение Китай придает участию в *международном военном сотрудничестве*, прежде всего сотрудничеству со странами АТР, в котором стремится занять лидирующее положение. Китай намерен продолжать участие в многосторонних форумах безопасности и сотрудничества АТР, таких как Совещание министров обороны АСЕАН плюс (ASEAN Defense Ministers' Meeting Plus), Региональный форум АСЕАН (ASEAN Regional Forum), Диалог Шангри-Ла (Shangri-La Dialogue), Международный диалог по проблемам обороны Джакарта (Jakarta International Defense Dialogue, Военно-морской симпозиум стран Западной части Тихого океана (Western Pacific Naval Symposium). Наряду с этим уделяется внимание развитию сотрудничества по военной линии со странами-участниками Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также со странами Африки, Латинской Америки и Южной части Тихого океана⁷.

В области реализации положений Декларации действий сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и подготовки Кодекса поведения в Южно-Китайском море в 2015 г. достигнут некоторый прогресс. На состоявшейся в Тяньцзине в августе 2015 г. 9-й встрече полномочных представителей КНР и АСЕАН в области реализации Декларации стороны достигли соглашения о создании трех специализированных технических комитетов по следующим направлениям: «Безопасность мореплавания и поисково-спасательные операции», «Океанологические исследования и охрана окружающей среды» и «Борьба с транснациональной преступностью на море». В переговорах по Кодексу стороны достигли прогресса по пяти направлениям, в числе которых — соглашение о необходимости скорейшего достижения консенсуса по учреждению платформы «Горячая линия КНР — АСЕАН по поисково-спасательным операциям на море» и платформы «Горячая линия дипломатических сотрудников КНР — АСЕАН по чрезвычайным ситуациям»⁸.

Наряду с традиционными вызовами национальной безопасности КНР, в Пекине особо выделяют целый ряд многообразных угроз и вызовов нетрадиционного характера, из которых особое место занимают «три силы зла» — *сепаратизм, терроризм и экстремизм. Угрозу суверенитету и национальной безопасности Китая представляют сепаратистские силы, выступающие за независимость Тайваня, за независимость Восточного Туркестана, за независимость Тибета*⁹.

Одной из главных проблем для китайского руководства остается разрешение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы», которое рассматривается в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао в 1997 и 1999 г. соответственно. Для решения этой проблемы Китай де-юре не исключает использования военного фактора: «Законом КНР о противодействии расколу государства» 2005 г.¹⁰ определены условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (ст. 8): 1) если сторонники «независимости Тайваня» тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая; 2) если произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; 3) если возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны.

В последние годы появились серьезные основания полагать, что Пекин не заинтересован в решении тайваньской проблемы с использованием военной силы. Неурегулированность политических отношений не препятствует развитию торгово-экономических связей между двумя берегами. Материковый Китай прочно утвердился в качестве главного торгового партнера Тайваня и основного получателя его инвестиций. Объем торговли между двумя берегами в последние годы сохраняет устойчивую тенденцию к росту: в 2012 г. — 169 млрд долл., в 2013 — 197 млрд долл., в 2014 — 198 млрд долл. Следует отметить, что в материалах XVII и XVIII съездов КПК (2007 и 2012 г. соответственно) не содержится тезис о возможности использования КНР для решения тайваньской проблемы военного фактора.

Проблема *сепаратизма СУАР* рассматривается Китаем не только как проблема внутренней политики страны, но и как угроза безопасности всей Центральной Азии. Именно этой проблеме Пекином постоянно уделяется большое внимание в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). По инициативе Пекина в рамках деятельности ШОС по обузданию «трех сил зла» (*сепаратизм, терроризм и экстремизм*) и обеспечения региональной безопасности подписана Конвенция о борьбе с этими явлениями, налажено тесное взаимодействие между спецслужбами стран ШОС, составлены списки террористических организаций и лиц, на основании которых казахстанские и киргизские власти выдали Китаю ряд уйгурских боевиков.

Серьезной проблемой для руководства КНР продолжают оставаться акции протеста тибетцев против политики центральной власти по борьбе с *тибетским сепаратизмом*, организуемые «Движением за свободный Тибет» и поддерживаемые различными общественными организациями и общественными деятелями других стран. В основе движения лежит протест против распространения на данный регион политического контроля Центра. Напряженную ситуацию стремятся использовать в своих геополитических интересах США, Индия и Непал, которые рассматривают территорию Тибета как плацдарм для установления контроля над границами и тылом Китая¹¹.

Одним из важных направлений военной политики Китая на современном этапе является *расширение присутствия военно-морских сил НОАК в Индийском океане* с целью обеспечения безопасности морских путей транспортировки импортируемой нефти, а также осуществления контроля за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США. Предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота.

В последние годы степень зависимости экономики Китая от импорта нефти превысила 60% и продолжает возрастать. В 2015 г. объем импорта нефти составил 331 млн т, что на 7% больше аналогичного показателя 2014 г.¹² С целью расширения возможностей транспортировки нефти в КНР, минуя Сингапурский и Малаккский проливы, фактически находящиеся под контролем США, Китай создает в зоне Индийского океана сеть опорных пунктов для ВМС и ВВС НОАК от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии (стратегия, получившая в США наименование «жемчужная нить»). В настоящее время сеть включает в себя строящиеся при финансовой и технологической помощи Китая порты Гвадар (Пакистан), Хамбантота (Шри-Ланка), Читтагонг (Бангладеш), Чаупхью (Мьянма)¹³.

Наряду с этим, Пекин, опираясь на растущий военный потенциал, с начала 2015 г. в одностороннем порядке активизировал свою деятельность по освоению не принадлежащих КНР островов архипелага Спратли в Южно-Китайском море путем наращивания территории находящихся здесь рифов и отмелей и превращения их в искусственно созданные острова с взлетно-посадочными полосами, причалами, складами и другими сооружениями. При этом Пекин утверждает, что Китай расширяет территорию, на которую у него имеется полный суверенитет. Однако, согласно Конвенции ООН 1982 г. по

морскому праву (UNCLOS), Пекин не может требовать суверенитета на эти образования, как и на территориальные воды с воздушным пространством над ними и на исключительную экономическую зону (ИЭЗ). Об этом говорится в ст. 56, 60 и 80 упомянутой Конвенции. Суверенные права на них принадлежат только прибрежному государству, в ИЭЗ которого они находятся. Односторонние действия Пекина привели к обострению конфликта по поводу территориального суверенитета в Южно-Китайском море. Спор ведется не только между Китаем и соседними государствами ЮВА, но и между Китаем и такими державами, как США, Япония и Индия. В настоящее время в Арбитражном трибунале в Гааге идет судебное разбирательство в связи с иском по данной проблеме со стороны Филиппин. Однако в Меморандуме Китая 2014 г. Китай поставил под сомнение компетенцию Арбитражного трибунала в данной сфере и дал ясно понять, что не изменит свою позицию в Южно-Китайском море¹⁴.

Согласно впервые опубликованной Госсоветом КНР «Военной стратегии Китая» (январь 2015 г.)¹⁵ подтверждена установка на дальнейшее укрепление обороны и создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях. Задачи вооруженных сил в пространственном измерении существенно расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в Мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах.

Согласно документу в области военного строительства Китай следует концепции «активной обороны в новых условиях», при этом деятельность китайских вооруженных сил базируется на следующих принципах:

- подчиненность задаче обеспечения мира для реализации национальной стратегии развития, усиление подготовки к ведению вооруженной борьбы, предотвращение кризисных ситуаций, способность одерживать победу в войнах;

- осуществление военной политики, имеющей оборонительный характер и тесно скоординированной с мерами в области государственной политики, экономики и дипломатии; эффективно отражать потенциальные, в том числе внезапные, угрозы национальной безопасности;

- на плановой основе осуществлять сбалансированную политику по защите прав, с одной стороны, и обеспечению стабильности — с другой; обеспечивать защиту суверенитета и интересов страны на суше и на море, поддерживать безопасность и стабильность на периферии;

- использовать все возможности для ускорения военного строительства; в войне стремиться к захвату стратегической инициативы, развивая активные действия во всех сферах и по всем направлениям; применять гибкую стратегию и тактику, в полной мере использовать эффективность совместных операций разнородных сил;

- готовиться к выполнению задач в любое время и при самых сложных и тяжелых сценариях развития обстановки;

- в полной мере использовать уникальные политические преимущества народных вооруженных сил; обеспечивать абсолютное руководство армией со стороны КПК;

- развивать боевой дух, укреплять воинскую дисциплину, повышать профессионализм войск;

- для победы над врагом использовать применительно к новым условиям принципы, заложенные в концепции «народной войны»; в военной мобилизации главное внимание уделять не человеческим ресурсам, а науке и технологиям;

- активно расширять сотрудничество в военной области и в сфере безопасности, углублять отношения по военной линии с мировыми державами, соседними и развивающимися странами; способствовать созданию региональной структуры безопасности и сотрудничества.

В обозримой перспективе Китай намерен продолжать сотрудничество между китайскими и российскими вооруженными силами в рамках отношений стратегического партнерства между двумя странами и способствовать всестороннему расширению и диверсификации сфер сотрудничества по военной линии¹⁶.

В 2014–2016 гг. продолжалось российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество. Вооруженные силы Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и многосторонних в рамках ШОС военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении террористических угроз на суше, на море и в воздухе. Крупнейшим из них было проведенное в период с 11 по 29 августа 2014 г. на полигоне Чжучжихэ (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) учение стран-участниц ШОС «Мирная миссия — 2014», в котором приняли участие свыше 7 тыс. человек личного состава и 500 единиц военной техники вооруженных сил стран-участниц организации¹⁷.

В период с 20 по 26 мая 2014 г. в акватории Восточно-Китайского моря проведено учение отрядов кораблей из состава ВМС НОАК и ВМФ России «Морское взаимодействие — 2014». На церемонии открытия учений присутствовали главы двух государств — Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин. Активная фаза проводилась с 22 по 25 мая и включала отработку совместных действий по обороне кораблей на якорной стоянке, освобождению захваченных пиратами торговых судов, организации совместной ПВО; кроме того, были проведены противолодочные и поисково-спасательные операции, ракетные и артиллерийские стрельбы по морским и береговым целям¹⁸.

В мае 2015 г. в Средиземном море проведены российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие — 2015» с участием до десяти кораблей различных классов из состава ВМФ России и ВМС НОАК. В ходе учений проводилась отработка совместных действий по охране безопасности судоходства в мировом океане¹⁹.

В сентябре 2016 г. в Южно-Китайском море в районе к югу от пров. Гуандун состоялись российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие — 2016», в которых были задействованы надводные боевые корабли, подводные лодки, самолеты, корабельные вертолеты и боевые амфибии морской пехоты флотов двух стран. Во время учений в условиях, приближенных к боевым, проводилась отработка совместных действий по борьбе с кораблями условного противника и применением ракетного, артиллерийского и торпедного оружия, противовоздушной и противолодочной обороне, высадке морского и воздушного десанта на необорудованное побережье в пров. Гуандун и освобождению опорного пункта, захваченного условными террористами. Учению предшествовало политическое заявление со стороны России о том, что она поддерживает Китай в непризнании решения Гаагского арбитражного суда по спорным островам Южно-Китайского моря²⁰.

Ныне совместные российско-китайские военные учения распространились на воздушно-космическую область и противоракетную оборону. В мае 2016 г. в соответствии с решением глав военных ведомств Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Москве впервые проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность — 2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей страны или внешней террористической организацией. Целью учений были согласование подходов и определение принципов взаимодействия при решении задач противовоздушной и противоракетной обороны, отработка вопросов организации совместных действий по отражению возможной угрозы, а также определение направлений дальнейшего сотрудничества в данной области. Поставленные цели были достигнуты в полном объеме. Учение не было направлено против какой-либо третьей стороны²¹.

Китай сохраняет заинтересованность в продолжении закупок российской военной техники: в апреле 2015 г. подписан контракт на закупку партии зенитных ракетных систем С-400 (четыре дивизиона);²² в ноябре 2015 г. — контракт на закупку 24 истребителей Су-35 на сумму около 2 млрд долл.²³

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, в 2015–2016 гг. *Китай продолжал увеличивать военные расходы* (табл. 1).

Таблица 1

Военные расходы КНР в 2015–2016 гг.

№ п/п	Наименование	2015	2016
1	Официальные военные расходы (в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.)	132	146
2	Темпы роста официальных военных расходов, %	12,2	7,6
3	Темпы экономического роста, %	7,0	6,5
4	Реальные военные расходы (в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.)	205*	215

Источник: *Материалы 3-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2015 г.) // Жэньминь жибао онлайн. 06.03.2015; СИПРИ о военных расходах в мире (2016). URL: <http://politinform.su/armiya-i-konflikty/58729-sipri-o-voennyh-rashodah-v-mire-2016.html>; URL: <https://topwar.ru/93502-opublikovan-doklad-sipri-o-mirovyh-rashodah-na-oboronu.htm>*

Примечание: *Оценка авторов.

Из табл. 1 видно, что официальные военные расходы Китая в 2016 г. составили 146 млрд долл. (годовое увеличение 7,6%), между тем как реальные, по оценке СИПРИ, 215 млрд долл.; для сравнения, в 2016 г. военные расходы Японии составили 40,9 млрд долл.; Индии — 36,0; Южной Кореи — 36,4; Великобритании — 55,4; России — 48,5; США — 596 млрд долл.²⁴ Отметим, что в 2017 г. предполагается увеличение военных расходов Китая на 7%²⁵. Таким образом, в 2016–2017 гг. определилась тенденция снижения темпов роста военных расходов Китая, что связано с переходом к «новой нормальности» в сфере экономики, а именно: от роста высокими темпами в предшествующий период (7,5% и более в год) к средне-высоким темпам роста (6,5–7% в год)²⁶.

В модернизации НОАК основное внимание уделяется информатизации и компьютеризации войск и сил флота, усилению боевых возможностей вооруженных сил за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

В последние годы численность личного состава НОАК поддерживается на уровне около 2,3 млн человек. Как отмечено выше, *основное внимание направляется на совершенствование качественных параметров оснащения и повышение уровня информатизации войск и сил флота*. В годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) на вооружение НОАК поступил ряд новых образцов военной техники²⁷:

- в ВВС и ВМС — более совершенные самолеты, позволяющие существенно повысить возможности НОАК по ведению электронной войны; в их числе самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления КJ-500, морской патрульный самолет Y-8J, самолет электронной разведки Y-8GX8;

- на вооружение «второй артиллерии» — крылатые ракеты CJ-10A; ракеты малой дальности «Дунфэн-16» (DF-16); противокорабельные баллистические ракеты «Дунфэн»-21Д (DF-21D); ракеты «Дунфэн»-26 (DF-26);

• в сухопутные войска — основные боевые танки Туре-99А, боевые машины пехоты ZBD-04А, противотанковые ракеты НЖ-10, самоходные гаубицы PLZ-05А, вертолеты огневой поддержки WZ-10.

В ноябре 2015 г. в Китае было объявлено о предстоящей новой *военной реформе*, предполагающей прямое подчинение всех видов вооруженных сил НОАК создаваемому единому Центральному военному командованию, сокращение численности личного состава НОАК на 300 тыс. человек. Реформу намечается осуществить к 2020 г.²⁸ Сокращение численности личного состава, по-видимому, будет осуществлено за счет сухопутных войск и использовано для увеличения финансирования ВВС и ВМС НОАК в условиях ожидаемого сокращения темпов увеличения военных ассигнований, вызванного замедлением темпов роста китайской экономики.

В январе–феврале 2016 г. были официально объявлены решения по реформированию органов высшего военного управления КНР, суть которого заключается в преобразовании бывших четырех главных управлений НОАК (Генерального штаба, Главного политического управления, Главного управления тыла и Главного управления вооружений) в 15 функциональных структур, входящих в состав ЦВС: Канцелярия ЦВС, Объединенный штаб ЦВС, Управление политической работы ЦВС, Управление тылового обеспечения ЦВС, Управление развития вооружений ЦВС, Управление боевой подготовки и развития вооружений ЦВС, Управление боевой подготовки и управления войсками ЦВС, Управление оборонной мобилизации ЦВС, Комиссия по проверке дисциплины ЦВС, Политико-юридическая комиссия ЦВС, Комитет по науке и технике ЦВС, Канцелярия по стратегическому планированию ЦВС, Канцелярия по реформам и организационно-штатной структуре ЦВС, Канцелярия по международному военному сотрудничеству ЦВС, Аудиторское управление ЦВС, Главное управление делами ЦВС.

Объединенный штаб ЦВС будет заниматься оперативным планированием, осуществлять повседневное управление войсками и боевое управление, заниматься изучением проблем и планированием в области военной стратегии, осуществлять контроль боеспособности войск, организовывать единый процесс боевой подготовки видов вооруженных сил и родов войск, организовывать и осуществлять мобилизационное строительство. На Управление политической работы ЦВС возложены функции руководства партийным строительством в вооруженных силах, которое рассматривается как «основа и ключевое звено всей работы в армии»; на Управление оборонной мобилизации ЦВС — вопросы оборонной мобилизации и подготовки резервов, руководство деятельностью провинциальных военных округов. Создание Комитета по науке и технике ЦВС направлено на усиление стратегического руководства оборонной наукой и техникой, развитие инновационного потенциала, координацию работы по «интегрированному развитию» военной и гражданской науки и техники.²⁹

Реформа предполагает реорганизацию существовавших до настоящего времени военных округов (ВО) — Пекинского, Шэньянского, Ланьчжоуского, Чэндуского, Цзинаньского, Гуанчжоуского в пять стратегических командований НОАК: Центральное (Пекин) (здесь и далее в скобках указана дислокация штаба командования. — *Прим. авт.*), Северное (г.Шэньян), Восточное (г. Нанкин), Южное (г. Гуанчжоу), Западное (г. Чэнду). Соответствующий приказ объявлен председателем ЦВС Си Цзиньпином 1 февраля 2016 г.

Центральное командование создано на базе бывшего Пекинского ВО. В зоне его ответственности территории городов центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь, провинций Хэбэй, Хэнань, Хубэй, Шаньси.

Северное командование создано на базе бывшего Шэньянского ВО и включает часть территории бывшего Пекинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Шаньдун, Автономного района Внутренняя Монголия.

Восточное командование создано на базе бывшего Нанкинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь, города Шанхай, а также Восточно-Китайское море.

Южное командование создано на базе бывшего Гуанчжоуского ВО; охватывает территории провинции Гуандун, Гуанси, Хунань, Гуйчжоу, Хайнань, а также Южно-Китайское море.

Западное командование создано на базе бывших Ланьчжоуского ВО и Чэндуского ВО; охватывает территории провинций Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономный районы, г. Чунцин³⁰.

По замыслу организаторов реформы, стратегические командования НОАК должны выполнять функции как административного управления, так и оперативного командования находящимися в зонах их ответственности силами и средствами сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морских сил, войск стратегического обеспечения. Исключение составляют формирования стратегических ракетных войск и стратегические ядерные силы ВМС НОАК, находящиеся в прямом подчинении ЦВС КНР. Главной целью создания стратегических командований НОАК является обеспечение условий для повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях при ведении высокотехнологичных войн локального масштаба.

Ключевую роль в руководстве оборонным строительством наряду с государственными структурами продолжает играть КПК. Как следствие, вопрос укрепления контроля над армией со стороны партии постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства.

Наряду с выполнением внешних функций по защите суверенитета и территориальной целостности страны, *армия используется руководством страны в качестве инструмента по обеспечению внутривнутриполитической стабильности*. В последние годы эти функции НОАК сохраняют актуальность ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований, такими как имущественная дифференциация, сокращение посевных площадей, связанное с индустриализацией и развитием инфраструктуры, обострение экологических проблем и др.

Руководством КНР уделяется большое внимание совершенствованию законодательной базы военного строительства, что продиктовано проблемами реализации стратегии развития оборонного потенциала, а также существенным расширением задач НОАК на новом историческом этапе в таких областях, как международное военное и военнотехническое сотрудничество.

Наряду с выполнением главной функции по защите суверенитета и территориальной целостности страны *НОАК расширяет свое участие в невоенных* операциях по поддержанию мира и укреплению международной безопасности, которые включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН, операции по защите морских проливов, по защите космических объектов³¹.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие темпы развития, которые, несмотря на кризисные явления в мировой экономике, могут составить 6,5–7% в год. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию наметенной программы преобразования Китая к 2020 г. в государство инновационного типа, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны.

На нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах неучастия в военных союзах (блоках) и отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН. Вместе с тем, по мнению многих китайских экспертов, наращивание военного присутствия США в АТР, активизация деятельности Вашингтона по укреплению сущест-

вующих и сколачиванию новых военно-политических коалиций приводит к необходимости пересмотра изложенных принципов. Об этом свидетельствует содержание передовой статьи в газете «Жэньминь жибао» от 10 февраля 2014 г., в которой поставлен вопрос о целесообразности вывода Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 2001 г. на качественно новый уровень — уровень военно-политического союза. Такой же точки зрения придерживается один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэтунь, который предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза³².

Вопрос, касающийся усиления российско-китайского взаимодействия в сфере безопасности, обсуждался лидерами наших государств во время официального визита президента В.В. Путина в мае 2014 г. в КНР; проблема заключается в выборе путей его решения: идти ли по пути создания военно-политического союза или по линии дальнейшего развития стратегического партнерства между двумя странами в рамках уже подписанных договоров и существующих международных организаций, членами которых являются и Россия и Китай.

Представляется, что на нынешнем этапе второй подход является более предпочтительным. Так, анализ упомянутого Договора 2001 г. показывает, что документ содержит вполне конкретные обязательства сторон. Например, ст. 9 гласит, что в случае возникновения ситуации, которая «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасности», а также в случае «возникновения угрозы агрессии против одной из Сторон» они незамедлительно «вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». Кроме того, ряд положений Договора направлен на укрепление доверия между двумя странами и содержит взаимные обязательства по неприменению каких-либо силовых действий по отношению друг к другу.

Так, в ст. 1 и 2 говорится о взаимном уважении «суверенитета и территориальной целостности», ненападении, невмешательстве во внутренние дела, соблюдении принципов «равенства, взаимной выгоды, мирного сосуществования». Поэтому «...стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют экономические и иные способы давления и разрешают разногласия исключительно мирными средствами», обязуются «взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты» и «исключают применение друг против друга ядерного оружия». Ст. 4 направлена на взаимную поддержку политики в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности наших государств. И, наконец, согласно ст. 6 обе страны неукоснительно соблюдают государственную границу между ними.

Важно отметить, что обе стороны последовательно реализуют положения Договора. За последние годы урегулированы все пограничные вопросы. Окончательная делимитация российско-китайской госграницы, равно как и реализация соглашения по укреплению мер доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек, способствовали превращению границы между двумя государствами в «границу мира и дружбы».

Нарастает сотрудничество наших стран также и в политико-дипломатической сфере, в решении проблем ограничения стратегических наступательных вооружений (СНВ), сохранения режима нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, предотвращения гонки вооружений в космосе и в других областях. Россия и Китай, как постоянные члены Совбеза ООН, выступают по этим вопросам с консолидированных позиций. Россия и Китай выступили против выхода США из Договора об ограничении систем ПРО 1972 г., считая, что создание Вашингтоном системы национальной ПРО и ПРО ТВД обесценит их потенциал сдерживания и будет иметь серьезные негатив-

ные последствия не только для наших стран, но и для глобальной безопасности. Таким образом, наши государства реализуют положения ст. 11 Договора, устанавливающей, что стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, и прилагают активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества, тесно взаимодействуя в предотвращении международных конфликтов и их политическом урегулировании.

Противодействию набирающим актуальность новым угрозам международной безопасности посвящена ст. 20, в которой говорится о сотрудничестве наших стран в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.

Практическая деятельность охватывает и военную сферу. Здесь наше сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с разработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций. От двустороннего сотрудничества мы переходим к многостороннему в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что находится в соответствии со ст. 14 Договора: «Стороны способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в них многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества».

Вторым важным документом, регламентирующим совместные действия наших государств в сфере безопасности, является Хартия Шанхайской организации сотрудничества. ШОС не является военно-политическим союзом, однако, согласно данному документу, она представляет собой универсальную организацию. Ее целями и задачами определены: «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», а также, «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной... и других областях, представляющих общий интерес»³³.

В силу этого имеется правовая база, а вследствие обостряющейся военно-политической ситуации в регионе становится очевидной и необходимость создания в рамках Организации механизмов многостороннего сотрудничества по всему спектру центральноазиатских проблем безопасности и обороны. Особенно актуальным это становится на фоне вывода войск западной коалиции из Афганистана и вероятного обострения военно-политической обстановки в Центральной Азии. Сохраняется потенциальная угроза того, что потерявшие «работу», но хорошо овладевшие военными навыками боевики начнут возвращаться из Ближневосточного региона и Афганистана в свои страны. Активизируется работа исламистских организаций в них с последующим нарастанием нестабильности вплоть до «ближневосточных» или «украинских» сценариев. При этом не стоит упускать из виду, что мы будем иметь дело не только с талибами или отдельными исламистскими организациями типа Хизб-ут-Тахрир.

Основной особенностью современного терроризма становится его трансформация из сетевых ячеек в квазигосударственные образования, обладающие достаточной экономической и военной мощью. Причем отмечается их тесное взаимодействие с сетевыми структурами и рядом террористических организаций в отдельных государствах и регионах. Для участников ШОС наибольшую опасность представляют фундаменталисты «Исламского государства» (ИГ) и активизирующиеся на территории Афганистана после ухода основных сил западной коалиции Талибан и другие исламистские организации.

Для борьбы с терроризмом странам необходимо объединение усилий и активизация всех возможных методов борьбы с ним. Сегодня все более вырисовывается пер-

спектива превращения этой задачи в долгосрочную стратегию. Поэтому ШОС должна обладать способностью не только к осуществлению превентивных невоенных мер по предотвращению угроз со стороны сепаратизма, экстремизма и терроризма, но и к проведению, как минимум, всего спектра миротворческих операций (гуманитарных, по поддержанию мира и по принуждению к миру и др. в соответствии с Уставом ООН). Иначе говоря, существует потребность и имеются правовые основания для углубления сотрудничества государств-участников ШОС в военной сфере. Не являясь военно-политической структурой, ШОС должна стать на деле многофункциональной организацией, способной решать, в том числе, весь комплекс задач в сфере безопасности, что и предусмотрено ее Хартией.

Какими представляются меры по совершенствованию подходов ШОС к обеспечению региональной безопасности российским и китайским должностным лицам?

Свое видение усиления дееспособности ШОС в части решения задач безопасности изложил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров на заседании Совета министров иностранных дел Шанхайской организации в Душанбе в сентябре 2014 г. Для укрепления безопасности стран ШОС он предложил преобразовать Региональную антитеррористическую структуру в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, для начала распространив его деятельность на сферу борьбы с наркобизнесом. В целях противодействия распространению экстремизма в странах Центральной Азии российский министр предложил странам ШОС подписать рамочное соглашение о взаимодействии по пограничным вопросам.

В свою очередь, с инициативой создать при ШОС новый орган — аппарат национальных военных советников выступил министр обороны России генерал армии С. К. Шойгу на совещании глав оборонных ведомств стран — участниц ШОС в июне 2015 г. (Санкт-Петербург). По его словам, такой орган мог бы стать генератором идей для руководства Организации в плане подготовки рекомендаций по более активному использованию военных возможностей стран — участниц ШОС в интересах безопасности.

Заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник С. Истраков в своем выступлении на прошедшей в Москве Международной конференции по Афганистану развил эту мысль. По его мнению, аппарат национальных военных советников (или специальная рабочая группа) могут быть сформированы при секретариате ШОС (или при Совете министров обороны этой организации). На данный орган предполагается возложить вопросы взаимодействия как с национальными вооруженными силами, так и с РАТС ШОС, ОДКБ, Антитеррористическим центром СНГ. Через этот аппарат (рабочую группу) будет вестись обмен данными об организациях экстремистов, незаконных вооруженных формированиях, способах и тактике их действий.

Нельзя не заметить, что идеи, выдвинутые должностными лицами Минобороны России, во многом перекликаются с высказанными ранее предложениями Института Дальнего Востока РАН³⁴.

Практические предложения по повышению дееспособности ШОС в решении проблемы безопасности стала выдвигать и китайская сторона. Во время визита в Казахстан в 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что Шанхайская организация сотрудничества должна стать защитником Евразии. В ходе своего обращения на XIII саммите ШОС на уровне премьер-министров он призвал к созданию в этой Организации нового центра, который займется работой над прогнозированием будущих проблем безопасности для Евразии. Он также призвал своих партнеров отработать механизмы, которые будут способствовать борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, наряду с киберпреступлениями. В Астане Ли Кэцян также выделил Афганистан в качестве государства, которое нуждается в поддержке для сохранения «внутренней стабильности», достижения примирения и восстановления экономики страны³⁵.

И, наконец, председатель КНР Си Цзиньпин на саммите в Уфе в ходе своего выступления на заседании Совета глав государств ШОС в расширенном составе высказал довольно-таки емкое и радикальное по содержанию предложение: «Нужно укрепить дееспособность и создать крепкую защитную стену безопасности в регионе. Следует активизировать политические контакты и координацию, разработать меры реагирования и совместно защищать безопасность власти, политического строя, общественной стабильности во всех государствах — членах Организации. Необходимо укреплять сотрудничество с Афганистаном в области безопасности, помогать афганским силам безопасности в повышении боеспособности, играть большую роль в содействии национальному примирению Афганистана и восстановлению экономики этой страны»³⁶.

Заслуживают внимания и практические шаги наших китайских партнеров в сфере правового обеспечения прозвучавших выше предложений. По сообщению Агентства «Синьхуа» от 28 декабря 2015 г., на 18-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва был принят Закон КНР о борьбе с терроризмом.

Официальный Пекин, комментируя применение нового закона, делает акцент не на возможности операций за рубежом, а на внутренних угрозах. В то же время этот Закон позволяет китайской армии вести антитеррористические операции за пределами КНР. Принятый закон устанавливает, что борьба с терроризмом внесена государством в стратегию национальной безопасности. Предусмотрено наращивание возможностей по борьбе с терроризмом за счет комплексного применения политических, экономических, юридических, культурных, образовательных, внешнеполитических и военных методов для контртеррористической работы. Согласно закону, в стране будет создан руководящий орган по антитеррористической деятельности, который будет одновременно руководить и управлять контртеррористической работой в общенациональном масштабе.

В целом, Народно-освободительная армия Китая теоретически получит право действовать так же, как российские ВКС в Сирии. А возможности такие у нее есть. Как известно, по объему ВВП, по паритету покупательной способности национальных валют КНР уже в 2014 г. вышла на 1-е место в мире. Соответственно выросли ее политические амбиции, изменилась самооценка, которая все чаще определяется стремлением не только отстаивать национальные интересы в рамках собственных границ, но и полноценно участвовать в формировании и реализации мировой и региональной повестки дня в ее политическом и экономическом измерениях³⁷. Подтверждением этому служит факт участия военных советников и спецназа НОАК КНР в Сирии, в задачу которых, по словам президента Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашова, озвученных на одном из теледебатов, проводимых В. Соловьевым, отслеживать и контролировать действия синьцзян-уйгурских исламистов.

Таким образом, при всех трениях между имеющими отношение к ШОС государствами, на передний план выходит их готовность действовать единым фронтом против общей угрозы. Это означает понимание того, что приоритетными проектами для ШОС являются не только стратегические программы экономического развития, но и развитие практического взаимодействия в сфере безопасности. Но при этом нужно, по мнению авторов исследования, предпринимать первые конкретные практические шаги в этом направлении — создать или в составе РАТС, или в структуре секретариата ШОС небольшую группу профессионалов (возможно, из числа предлагаемых министром обороны России С.К. Шойгу военных советников), которые непосредственно занялись бы разработкой и реализацией выдвигаемых Россией и Китаем предложений. То есть подготовить Концепцию региональной безопасности Шанхайской организации сотрудничества, в которой могли бы быть отражены:

- состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа;
- жизненно важные общие и особые интересы членов ШОС;

- виды внешних и внутренних угроз этим интересам;
- цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности;
- состав и структура органов, ответственных за обеспечение безопасности;
- методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы Организации в целом или отдельным ее участникам;
- порядок взаимодействия с ОДКБ и другими организациями по безопасности.

Целесообразно также определить порядок мониторинга источников угроз, обмена соответствующей информацией, установить процедуру принятия решений и порядок их исполнения соответствующими структурами Шанхайской организации сотрудничества.

Впоследствии упомянутая выше группа военных советников могла бы составить основу Комитета по координации военного сотрудничества или иного органа, обеспечивающего руководство выделяемыми в его распоряжение силами и средствами. Суть не в названии, а в способности решать поставленные перед этим органом управления задачи.

Вместе с тем, чтобы региональные механизмы безопасности ШОС начали работать на практике, необходимо, на наш взгляд, обозначить четкие временные рамки реализации озвученных предложений по повышению дееспособности ШОС в сфере обеспечения региональной стабильности и выделить ресурсы для их осуществления. В этом случае ШОС имеет шанс стать влиятельным субъектом и наряду с ОДКБ — одной из основ архитектуры региональной безопасности, способной обеспечить в том числе успешную реализацию проектов ЭПШП. В противном случае будут напрасны ожидания от ШОС активности в сфере обеспечения региональной безопасности и стабильности.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Развитие военной составляющей ШОС дает определенные основания политологам, особенно западным, говорить о «дрейфе» Организации в эту сторону. В качестве контраргумента необходимо еще раз подчеркнуть, что вектор силовых усилий ШОС не направлен за пределы территории стран-участниц. В области безопасности ШОС намерена действовать только в ответ на возможную угрозу. К тому же сегодня ШОС является региональной структурой, установившей связь с ООН и решающей мировые задачи по мандату этой Организации.

Таким образом, анализ российско-китайского Договора 2001 г. и Хартии ШОС 2002 г. дает основание сделать вывод о том, что сегодня и в ближайшей перспективе нет необходимости заключения каких-либо двусторонних военно-политических союзов между Россией и Китаем³⁸.

Вместе с тем укрепление сотрудничества и тесное взаимодействие России и Китая на двусторонней основе и в рамках ШОС будет способствовать повышению комплексной мощи обоих наших государств, их авторитета на международной арене и способности оказывать благоприятное влияние на развитие обстановки в мире.

Выводы

1. На современном этапе военная политика Китая имеет оборонительный характер и является составной частью широкого комплекса превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятной обстановки в сфере безопасности вокруг Китая, способствующей реализации национальной стратегии развития, целью которой является превращение страны к середине XXI века в модернизированную державу, равную по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира.

2. Опираясь на растущую экономическую мощь, КНР реализует перспективную программу модернизации национальной обороны на базе науки и передовых технологий,

принятую в 2006 г. и рассчитанную до середины XXI века. В строительстве китайских вооруженных сил осуществляется курс на совершенствование качественных параметров вооружения и военной техники, механизацию и информатизацию войск с целью повышения их возможностей при ведении как оборонительных, так и наступательных боевых действий. Конечная цель заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

3. Военная политика Китая ведет к увеличению КМГ, что находит свое выражение в следующем:

а) возрастает военный потенциал страны, в том числе потенциал стратегического ядерного сдерживания, возможности по борьбе с международным терроризмом, в том числе в рамках ШОС, возможности по защите морских и океанских коммуникаций, имеющих жизненно важное значение для экономики, и другие составляющие; тем самым обеспечиваются благоприятные условия реализации национальной стратегии страны;

б) модернизация китайского ВПК в условиях использования 70% его потенциала в интересах экономического строительства и свободного обмена научно-технической и технологической информацией между военной и гражданской сферами способствует росту научно-технического, технологического и производственного потенциала обеих сфер;

в) военная политика Китая направлена на сохранение и развитие отношений сотрудничества с Россией в военной и военно-технической сферах, что играет позитивную роль в укреплении стратегического партнерства между нашими странами;

г) участие НОАК в миротворческих и гуманитарных операциях под эгидой ООН способствует укреплению в глазах мирового сообщества образа Китая как ответственной державы, проводящей политику мира и сотрудничества, и одновременно содействует повышению международного авторитета ООН, что можно отнести к укреплению «мягкой силы» как компонента КМГ КНР.

4. В интересах решения ближайшей стратегической задачи — урегулирования тайваньской проблемы по принципу «одного Китая» — Пекин де-юре допускает применение военной силы, что содержит в себе опасность возникновения крупного вооруженного конфликта с серьезными негативными последствиями для безопасности в АТР. Реализуемая Пекином концепция международной безопасности на основе межгосударственного доверия, по-видимому, не распространяется на тайваньскую проблему, являющуюся, как считают китайцы, внутренним делом КНР. Вместе с тем бурно развивающийся процесс обмена между двумя берегами в политической, экономической и в гуманитарной областях ясно указывает на предпочтительность для КНР решения тайваньской проблемы мирными средствами.

5. Китай проявляет сдержанность в реализации военного фактора как компонента КМГ, о чем свидетельствует его позиция по решению тайваньской проблемы, в которой отдается предпочтение использованию мирных средств, а также — поведение при периодическом обострении ситуаций вокруг островов Дяоюйдао в Восточно-Китайском море и островов Спратли в Южно-Китайском море, когда Китай ограничивался демонстративными действиями НОАК в защиту суверенитета над данными территориями, без перевода ситуации в «горячую» фазу.

6. Военно-промышленный комплекс КНР ныне реализует программы во всех секторах производства вооружений и военной техники и добился на этом направлении прогресса, приближаясь к мировым стандартам качества выпускаемой техники. Существенно расширена и модернизирована научно-исследовательская и производственная база ВПК за счет привлечения к выполнению военного заказа получивших соответствующие лицензии предприятий и учреждений гражданского сектора. Однако выполнение многих

программ находится в зависимости от импорта отдельных технологий и наиболее важных высокотехнологических компонентов.

7. Заинтересованность Китая в военно-техническом сотрудничестве с Россией будет сохраняться, однако его реальные перспективы находятся в зависимости от решения российской стороной поставленного Китаем вопроса о повышении технологического уровня предлагаемой Россией военно-технической продукции, а также от урегулирования проблемы защиты российской интеллектуальной собственности.

8. В ноябре 2015 г. в Китае объявлено о новой военной реформе, предполагающей прямое подчинение видов вооруженных сил НОАК создаваемому единому Центральному военному командованию, сокращение численности личного состава НОАК на 300 тыс. человек, реорганизацию существовавших до настоящего времени военных округов в пять стратегических командований НОАК в зонах: Центральной (Пекин), Северной (г. Шэньян), Восточной (г. Нанкин), Южной (г. Гуанчжоу), Западной (г. Чэнду). Реформу намечается осуществить к 2020 г.³⁹ Сокращение личного состава, по-видимому, будет осуществлено за счет сухопутных войск и использовано для увеличения финансирования ВВС и ВМС НОАК в условиях сокращения темпов увеличения военных ассигнований, вызванного замедлением темпов роста китайской экономики.

9. В обозримой перспективе армия будет оставаться важным звеном политической системы Китая, находиться под контролем КПК и, наряду с внешними функциями, выполнять роль инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности.

-
1. Annual Report on Military Power of People's Republic of China. Report to Congress, 2000.
URL: <http://www.usinfo.state.gov/regional/ea/uschina/dodrp00.htm>.
 2. URL: <http://topwar.ru/74048-ssha-postavit-yaponii-noveyshee-vooruzhenie.html>.
 3. URL: <http://ria.ru/world/20140428/1005711838.html#ixzz30A4rLCya>.
 4. URL: http://lenta.ru/news/2014/11/12/usa_china/
 5. URL: <http://informing.ru/2015/06/15/kitay-i>.
 6. Синьхуа. 02.03.2016.
 7. China Daily. 27.05.2015.
 8. Синьхуа. 03.08.2015.
 9. China Daily. 27.05.2015.
 10. People's Daily Online. 14.03.2005.
 11. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7 (244). С. 49–53.
 12. URL: <http://satoil.kz/kitay-v-2015-godu-velichil-import-nefti-na-7-do-330-9-mln-tonn>.
 13. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/1/05_.pdf.
 14. Локиин Г.М. Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 2–8.
 15. China Daily. 27.05.2015.
 16. Там же.
 17. URL: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=11981494@egNews.
 18. URL: <http://portnews.ru/news/181112/>.
 19. URL: <http://ura-inform.com/ru/politics/2015/05/11/v-sredizemnom-more-nachalis-rossijsko-kitajskie-voennye-uchenija>.
 20. URL: <http://redstar.ru/index.php/news-menu/ino-military-menu/indiya/item/30423-morskoe-vzaimodejstvie>.
 21. URL: <https://rg.ru/2016/05/28/rf-i-krn-otrabotali-zashchitu-ot-provokacionnyh-raketnyh-udarov.html>.
 22. URL: <http://www.rg.ru/2015/04/13/triumf-site.html>.
 23. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/19/su35/>
 24. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf>.
 25. Ibid.
 26. *Островский А.В.* Экономика Китая в 2014–2015 гг.: итоги 12-й пятилетки и задачи 13-й пятилетки // КНР: политика, экономика, культура 2014–2015. М., 2016. С. 77.

27. China Daily. 28.10.2015.
28. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/26/china/>
29. *Румянцев Е.Н.* Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М., 2016. С. 192–194.
30. *Кашин В.Б.* Реформа органов управления китайскими вооруженными силами // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 125.
31. Annual Report to Congress “Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China” 2012. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>. P. 3–4.
32. *Янь Сюэтуан.* Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе: [Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет]. Пекин, 2013. С. 206–209.
33. Хартия ШОС. Ст. 1.
34. *Клименко А.Ф.* Военные аспекты сотрудничества в формате ШОС // Доклады ИДВ РАН: 2011. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 180–194.
35. URL: <http://www.thehindu.com/news/international/world/china-says-new-silk-road-needs-sco-security>.
36. См.: Стенограмма заседания Совета глав государств — участников ШОС в расширенном составе. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/49908>.
37. Подробнее см.: выступление С.В. Уянаева на Круглом столе «Российско-китайские отношения на современном этапе» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 6.
38. *Каменнов П.Б., Клименко А.Ф.* О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 145–147.
39. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/26/china/>